

Алексей БАРТОШЕВИЧ

ОЛЬГА РАДИЩЕВА

Ольга Радищева принадлежала к тому, казалось бы ушедшему в небытие роду ученых-гуманитариев, которые без малейшего шума, в тишине и уединении, самоотверженно и мужественно делают свое дело, научная и нравственная важность которого выступает на свет только с годами. Оля провела всю свою жизнь в общении с великими людьми Художественного театра, с бесчисленными коробками архивных документов, отразивших каждый – общезначимый или сугубо личный, обыденный момент жизни К.С. и Н.-Д. Об архивах еще недавно было принято говорить чуть

ли не с пренебрежением. То ли дело громоздкие концепции, мирооблемлющие идеи. Но час этих идей без исключения краток, переходящий и бремен. Пыль архивов (как только начинают рассуждать об архивах, сразу вспоминают о пыли) – это священная пыль, это то, что осталось от давно или недавно живших людей, пыль – это часть их физического присутствия в нашем мире.

Архивы хранят правду о прошлом, искаженную или замалчиваемую вне стен хранилищ. Пушкинский Пимен – это человек архива, его летопись, которую, «пыль веков от хартий

отряхнув», прочитает потомок, чтобы открыть истину о своих пращурах и призвать их к суду совести. Вот почему так медленно, с такой неохотой открываются архивы нашего прошлого. И не только сугубо политические. Густая сеть табу недавно еще покрывала архивы театральных знаменитостей, и это рождало поток благонамеренного апологетического вранья с одной стороны и фальшивых злобных антилегенд – с другой. Особенно там, где дело касалось священных чудовищ советского театра, и уж совсем в духе казенной охранительности – когда речь заходила об отношениях К.С. и Н.-Д.

Кто не помнит, что Иван Васильевич и Аристарх Платонович не разговаривали друг с другом с 1880 года?

Это не значит, что нужно было послушаться нескольких старых мхатовцев, неколебимо стоявших на страже своего иконостаса, «тайн портретного фойе», и не публиковать «Записки покойника», и не следовало слушать других старых мхатовцев, которые считали, что публикация булгаковского романа не сможет поколебать пьедесталы основоположников и лишь очистит их величие от казенного словословия. Одни только безграмотные дураки или безнадежные циники стали путать Ивана Васильевича с Константином Сергеевичем, а Аристарха Платоновича с Владимиром Ивановичем. В результате появления талантливой пародии, вышедшей из недр мхатовских капустников, от двух театральных гениев и созданного ими театра ровным счетом ничего не убыло.

Можно было, конечно, совсем не касаться больной темы, и, сохраняя чистую совесть, заниматься изучением чистого искусства. И тем самым оставить острую тему на растерзание злорадствующим сплетникам. При том, что это самое чистое искусство не могло не нести на себе печать внутритеатральных взаимоотношений.

Ольга Радицева бесстрашно за эту тему взялась, переведя ее из сферы околотеатральных толков в область строгой документалистики. Она при этом счастливо избежала другой опасности: безоговорочно занять одну

из сторон многолетнего спора. Уходящая в далекое прошлое вражда партии К.С. и партии Н.-Д., кампания, если не развязанная, то всячески подогреваемая приближенными обоих основоположников, продолжалась и много лет после их смерти. В театре и вокруг него долго еще тихо, но сурово бились адепты двух создателей МХТ. Я прекрасно помню, что еще в пятидесятые годы в Музее МХТ незримо и тихо враждовали «люди К.С.» и «люди Н.-Д.». Психологически это можно было понять: погруженные в архивы тех или других великих мхатовцев, проводя многие годы среди документальных следов их жизни, музейщики невольно самоотождествлялись с ними и готовы были принимать правоту одной из сторон.

Замечательный трехтомный труд Ольги Радицевой «Станиславский и Немирович-Данченко. История театральных отношений» совершенно лишен всякой «партийности». Она безукоризненно хранит верность объективности истинного ученого. Если уж говорить о том, на чьей она стороне, то ответ ясен и прост: на стороне строгой истины, на стороне не знающего предубеждений документа. Перед нами развернута беспрецедентно широкая, безгранично многоголосая картина пути, по которому шли оба героя ее повествования, сложнейшего пути построения искусства Художественного театра: эта цель их объединяла и каждый раз они были готовы в решающие моменты принести ей, этой цели, в жертву крупные и мелкие разногласия. В самом деле, удивляться надо не тому, что они враждовали, а тому, что два психологически несовместимых и творчески несходных человека столько лет вместе создавали великое искусство.

Об этом и ради этого была написана книга Ольги Александровны Радицевой.